

Оглавление

Предисловие	11
Введение	15
Искусство правдоподобия, 16—Роман в школе поэзии, 22— Вымышленное прошлое романа, 25—Цель этой книги, 28— Мои доводы, 43	

Часть первая

Трансцендентность нормы

С XVI до XVIII века каждый жанр прозаического повествования изображает мир под определенным углом зрения. Идеалистические произведения с героями, отличающимися ослепительным постоянством и энергией, принадлежат к соперничающим традициям эллинистического романа и рыцарского романа. Хрупкость совершенства и трудное усвоение моральных норм составляют предмет пасторального романа, который должен вызывать у читателя восхищенное сострадание. Наконец, человеческое несовершенство рассматривается с сочувственной симпатией в элегической повести, с отвращением и жалостью в серьезной новелле, с юмором в комической новелле и с едким презрением в плутовском романе.

Глава I. Предмодерный идеализм	49
Пара-вне-мира. Эллинистический роман, 49—Укорененность героя и сила нормы. Рыцарский роман, 63—Сомнительное совершенство. Пасторальный роман, 73—Конфликт идеализмов на заре европейского романа, 82	

Глава II. Наука несовершенства	90
Плутовской роман, 90—Идеография и индукция. Элегическая повесть, новелла, 103	
Заключение первой части	125

Часть вторая

Очарование внутреннего мира

В течение XVIII века повествовательный идеализм претерпевает глубокую трансформацию, в конце которой норма покидает трансцендентное небо, дабы укрыться во внутреннем мире персонажей. Свершившаяся под знаком правдоподобия в произведениях Ричардсона и Руссо, интериоризация идеала порождает сильное противодействие, проявившееся, в частности, в виде возрождения скептической и комической концепции человеческого несовершенства, тенденции, проиллюстрированной творчеством Филдинга. Спор между этими двумя видениями способствовал созданию других новых повествовательных формул, включая юридический роман, готический роман, роман нравов и сентиментальный роман.

Глава III. Идеализм модерна	131
Интериоризация идеала. «Памела» и «Юлия, или Новая Элоиза», 134—Человеческая комедия. «Том Джонс...» и «Дон Кихот», 148—Юридический роман. «Тристрам Шенди» и «Жак-фаталист и его Хозяин», 158	
Глава IV. Уязвимый субъект	166
Готический роман, 166—Роман нравов и сентиментальный роман, 173—Новая волна идеализации, 178—Апофеоз любви и его критика, 182	
Заключение второй части	196

Часть третья

Натурализация идеала

В поисках правдоподобного идеализма роман XIX века обнаруживает интимную связь между человеком и его социальным, историческим и этнографическим окружением. Репрезентация величия души, оставаясь его главной задачей, отныне соотносится с конкретной физиономией места, в котором она родилась. Споры между сторонниками очарования внутреннего мира и их оппонентами возобновляются с новой силой: писатели, прославляющие относительную независимость сильных души от окружающей среды, противостоят тем, кто описывает, то в ироничном, то в горьком тоне, иллюзорный характер этой силы. Во второй половине века ряд великих писателей пытаются примирить идеализм и антиидеализм.

Глава V. Корни величия 203

Историческая правда идеализма, 205—Экзотические изыскания, 219—Величие незаметных людей, 224—Феминистский идеализм, 227—Исключительные существа, падшие ангелы, демоны, 231—Вершина идеализма, 239

Глава VI. Наследие морального скептицизма 246

Школа иронии, 246—Школа эмпатии, 253—Зрелость антиидеализма. Флобер, 265—Школа горечи. Гонкуры, Золя, 274

Глава VII. Обобщения 284

Постижение мудрости, 284—Простодушные с большим сердцем, 290—Неуловимое прекраснодушие, 298—Бунт против автономии, 310—Прекрасная душа на грани безумия, 322

Заключение третьей части 330

Часть четвертая

Искусство отстранения

На заре XX века модернистский бунт направлен как против попытки заключить человека в тюрьму окружающей среды, так и против метода наблюдения и эмпатии. Небывалый разрыв отделяет отныне реальность, ставшую таинственной и вызывающую глубокое беспокойство, от человека, освобожденного от нормативных забот и задуманного как объект неудержимой чувственной и языковой активности. Эта эволюция придает роману новую формальную гибкость, не меняя при этом извечного объекта его интереса—отдельного человека, испытывающего трудности в обитании в этом мире.

Глава VIII. Упраздненные связи, непостижимые вселенные . . . 335

Эстетический поворот, 336—Апофеоз письма и муки само-
сти, 348—Соппротивление эстетизму, 355—Непостижимая
реальность, 364—Выбор в пользу читабельности, 371

Эпилог 377

Кому я обязан 387

Указатель имен собственных и названий 393

Указатель основных понятий 407